

Хо Линьфэн поднял взгляд к деревьям, где ветер шелестел листьями. Закрыв глаза, он мог уловить легкий шорох одежды. В мгновение ока, когда он открыл глаза, тень человека промелькнула перед ним, словно утренняя роса, быстрая, как молния в дождь, и в одно мгновение перелетела на другое дерево, её движения были легче, чем у порхающей птицы.

Легкость Жун Лоюня в движении он уже видел раньше, она была столь же неуловима, как дух. Он не удержался и спросил:

— Какую технику легкости практикует второй господин дворца?

Дяо Юйлян пробормотал:

— Скитание по Восьми Сторонам, слышал?

Не просто слышал. Когда Хо Линьфэн в детстве изучал «Невидимого Божественного Дракона», он слышал от самого Хо Чжао, что среди сотен техник легкости в мире «Невидимый Божественный Дракон» может превзойти девяносто девять из них, но столкнувшись с «Скитанием по Восьми Сторонам», уступает лишь на волосок.

Скитание по Восьми Сторонам, легкое, как перо ласточки, быстрее, чем можно догнать.

Хо Линьфэн пристально наблюдал за лесом, где мелькали неясные тени, которые невозможно было уловить. За время, пока он выпил чашку чая, Жун Лоюнь грациозно спустился, приземлившись беззвучно, словно перо, коснувшееся земли. Он держал в подоле одежды фрукты и высыпал их перед Дяо Юйляном со словами:

— Хватит тебе? Я почти обобрал все деревья.

Дяо Юйлян радостно ответил:

— Спасибо, брат! Этого хватит на весь путь!

Жун Лоюнь ласково погладил мальчика по голове, затем поднял взгляд и увидел Хо Линьфэна, стоящего вдалеке с горстью воды в руках. Он медленно приблизился, притворяясь, что любит пейзажем, и, сделав три шага, слегка кашлянул.

Хо Линьфэн очнулся и протянул воду. Жун Лоюнь опустил голову, умылся, вытер капли воды, и из его рукава выпал забытый дикий фрукт. Он поймал его, вытер и вложил в руку Хо Линьфэна.

— Мне? — удивился Хо Линьфэн.

Жун Лоюнь кивнул:

— Да.

Затем, отступая, добавил:

— Спасибо за флягу, одежду и эту воду.

Сказав это, он развернулся, поднял ведро с красными карпами и направился к повозке, готовясь к обратному пути.

Кнут легонько щелкнул, и они отправились в путь.

Занавески были плотно завязаны, солнечный свет проникал внутрь повозки. Жун Лоюнь, прислонившись к стенке, наблюдал за пейзажем, сохраняя ту же позу, что и на пути сюда. Дяо Юйлян, держа в руках горсть фруктов, непрерывно жевал, так что его язык начал зеленеть.

Проехав более десяти ли, Хо Линьфэн замедлил ход, давая лошади передохнуть. В этот момент к нему подлетела стрекоза, опускаясь всё ниже, словно от усталости, и села на его плечо.

Дяо Юйлян восторженно воскликнул:

— Говорят, красавицы привлекают пчел и бабочек, Ду Чжун, а ты привлек стрекозу!

Хо Линьфэн сдержанно улыбнулся, стараясь не шевелиться, и слегка повернул голову, чтобы взглянуть назад. В углу глаза он заметил Жун Лоюня, который был спокоен и, увидев, что тот смотрит, опустил взгляд, не желая продолжать разговор. Однако Хо Линьфэн не отступал:

— Господин дворца, как насчет того, чтобы подарить вам эту стрекозу?

Жун Лоюнь тихо ответил:

— Стрекоза свободно летает в небесах, она не принадлежит тебе, как ты можешь её подарить?

Он не хотел спорить, скорее это было размышление. Затем он ударил кулаком по плечу Хо Линьфэна:

— Стрекоза низко летает, скоро будет дождь, поехали быстрее.

Хо Линьфэн щелкнул кнутом:

— Вперед!

Повозка помчалась, оставив стрекозу позади. Проехав пару ли, он вдруг вспомнил об ударе и, обернувшись, спросил:

— Господин дворца, вы опять пристаёте ко мне?

Нельзя ни ударить, ни ругать, как же тогда путешествовать по миру? — подумал Жун Лоюнь, но на лице его появилась яркая улыбка:

— Нельзя?

Эта улыбка была неожиданной, его ясные глаза и белые зубы словно озарились светом, и вся повозка наполнилась светом и свежестью. Хо Линьфэн быстро отвернулся, подавляя чувство невольной уступчивости, скрывая слабость, и после долгой внутренней борьбы наконец сдался:

— Как угодно господину дворца.

Молча он щелкнул кнутом, думая о том, что за двадцать три года своей жизни, закалённый как сталь, он тоже может покориться красоте.

Они без остановок добрались до Сицзянлин, въехав в город в полдень, когда узкие улочки были окутаны дымком от готовящейся еды. Проезжая вдоль длинной реки, Жун Лоюнь крикнул:

— Стой!

И остановил повозку.

— Вы идите вперед, я зайду в Башню Чжаому.

Он, опираясь на плечо Хо Линьфэна, прыгнул с повозки, повернулся и встретился с ним взглядом, в голове мелькали разные мысли. Он любил нежные объятия, следы дождя и облаков, переплетённые в ночи, и красавиц, утешающих его в долгие часы... Он слегка улыбнулся и с долей иронии спросил:

— Не хочешь ли пойти со мной, найти свою красавицу и предаться утехам?

Хо Линьфэн, не склонный к разврату, в тот день потратил четыре тысячи лян, и это было трудно объяснить, поэтому он отказался:

— Спасибо за заботу, господин дворца. Я не был дома два дня, мне нужно вернуться и тренировать учеников.

Жун Лоюнь не был искренен в своём приглашении, поэтому, развернув широкие рукава, он ушёл один. Придя в Башню Чжаому, он, не появлявшийся здесь некоторое время, сразу же вызвал восторженные возгласы среди девушек. Матушка велела добавить приборы, слуги побежали звать Жун Дуаньюй, и всё вокруг оживилось.

Он поднялся по лестнице, опустив взгляд на кончики своих туфель, и вдруг почувствовал, как на него подул ароматный ветерок. Мягкий голос произнёс:

— Господин.

И он поднял глаза, увидев изящную красавицу, прикрывающую лицо шелковым веером, из-за которого выглядывали влажные глаза, напоминающие абрикос.

Жун Лоюнь вдруг вспомнил:

— ...Баоло?

Баоло улыбнулась:

— Господин, вы давно не приходили, но всё ещё помните меня.

Жун Лоюнь кивнул, но думал о другом — «Дорогая Баоло, готовая стать его рабыней». Эти слова всё ещё звучали в его ушах, вызывая лёгкую дрожь. Когда эхо слов рассеялось, он спросил:

— Баоло, если бы был красивый и необычный мужчина, сильный в боевых искусствах, глубоко влюблённый в тебя, что бы ты сделала?

Баоло смущённо ответила:

— Я даже в мечтах не смею представить такое счастье.

Жун Лоюнь сказал:

— Не исключено, что это может случиться.

Он поддразнил девушку, не сказав больше ни слова, и поднялся наверх, чтобы найти Жун

Дуаньюй. Войдя в комнату, брат и сестра, не видевшиеся некоторое время, забыли обо всём, кроме заботы друг о друге.

Жун Дуаньюй спросила:

— Ты сегодня спешил?

Жун Лоюнь ответил:

— Нет, я подожду до заката, чтобы вернуться во Дворец Буфань.

Тем временем повозка, подпрыгивая на ухабах, достигла подножия Горы Лэнсан. Ворота дворца открылись, и она проехала длинную улицу. Хо Линьфэн проводил Дяо Юйляна до пруда с лотосами, наблюдая, как тот плывёт на лодке, а затем вернулся в Зал Цяньцзи.

Он принёс ведро с водой и шесть красных карпов в свой маленький двор, где царил беспорядок, и поваленное дерево лежало посередине. Не отдыхая, он закатал рукава и начал убирать, работая несколько часов, и чем больше он трудился, тем больше чувствовал несправедливость.

В усадьбе маркиза ему не пришлось бы терпеть такие неудобства. Сколько слуг было бы вокруг, и даже если бы он наклонился, чтобы поднять упавший лист, слуги бы боялись, что он устанет.

Хо Линьфэн бросил садовую мотыгу и прекратил работу, отправившись в бамбуковый дом, чтобы смыть пыль с дороги. Когда он погрузился в горячую воду, он вспомнил о Ду Чжэне и решил, что завтра приведёт того простака во Дворец Буфань.

Размышляя об этом, он вдруг насторожился, и его глаза, острые как лезвие, устремились к бамбуковому окну. На фоне заходящего солнца, когда небо было окрашено в багровые тона, пролетел голубовато-серый голубь, и на его лапке было что-то необычное. Голубь направлялся к Безымянной обители — это был почтовый голубь, возвращающийся с сообщением!

Это был редкий шанс. Сейчас Жун Лоюнь в Башне Чжаому предавался разврату и, вероятно, будет занят до глубокой ночи... Хо Линьфэн немедленно вышел из ванны, оделся, подвязал волосы и, взяв шесть красных карпов, покинул Зал Цяньцзи.

Он шёл осторожно, избегая людей, и добрался до Безымянной обители. Ловко проникнув внутрь, он направился к углу, где находились голубиные клетки. Все клетки были заперты, оставался лишь небольшой проход для голубей, куда рука человека не могла проникнуть. Он искал вернувшегося голубя — голубовато-серого, с коротким клювом и глазами, похожими на бобы, который сейчас пил воду.

— Чик, чик-чик.

Он попытался привлечь внимание голубя, надеясь выманить его. Голубь посмотрел на него, но продолжил есть.

В это время на Платформе Мяоцан группа учеников закончила тренировку и отправилась ужинать. Кто-то заметил:

— Второй господин дворца вернулся.

Все поклонились и поприветствовали Жун Лоюня.

Жун Лоюнь кивнул и пошёл по длинной улице в свою резиденцию, а за ним медленно садилось солнце.

Хо Линьфэн всё ещё не смог выманить голубя, но внезапно его осенила идея. Он вытащил из края одежды нить, привязал к ней маленький камешек и бросил его в клетку, чтобы зацепить лапку голубя. Голубь взмахнул крыльями, но не смог освободиться, и Хо Линьфэн вытащил его, снял маленькую записку и прочитал написанное.

— Мяу!

Внезапно раздался крик дикой кошки, которая была снаружи и, вероятно, увидела кого-то, кто её напугал. Хо Линьфэн насторожился и напряг слух.

В этот момент Жун Лоюнь, с развевающимися рукавами, спокойно подошёл к воротам Безымянной обители.

— Ду Чжун?

Жун Лоюнь остановился, удивлённый и недовольный.

Хо Линьфэн стоял перед домом, освещённый лунным светом, его ноги стояли на белых камешках, покрытых сиянием. Он слегка наклонился, показывая деревянное ведро, и объяснил:

— Господин дворца, я принёс этих красных карпов.

Жун Лоюнь огляделся — галерея, дерево гинкго, несколько циновок — всё казалось в порядке. Он медленно подошёл, краем глаза заметив голубиную клетку в углу, и спустя некоторое время сказал:

— Впредь, когда меня нет, не заходи без разрешения.

Хо Линьфэн ответил:

— Понял.

Затем его тон стал более дружелюбным:

— Я приходил несколько раз днём, думал, что господин дворца вернётся к закату, и ждал, соблюдая правила.

Жун Лоюнь спросил:

— Если бы я остался на ночь в Башне Чжаому, ты бы ждал до утра?

Хо Линьфэн ответил:

— Это не проблема, но я беспокоился, что если господин дворца останется на ночь, то ему некому будет массировать ноги.

[Отсутствуют]